

Глава 18. Правила санатория 18

И вдруг У Линьжуй рванулся вперёд.

Он пошёл прямо на них, как будто впал в транс или им кто-то управлял:

- Ду-гэ, помоги мне... так грязно...

Он двигался слишком быстро, словно пружина, готовая распрямиться, но Мин Чжаолинь оказался ещё быстрее.

Мин Чжаолинь сперва пинком отшвырнул Ду Цинляня в сторону, прямо на У Линьжуй, а затем рывком захлопнул дверь туалета.

- Пошли.

Он наконец перестал «висеть в АФК», и как только зашевелился — так сразу перешёл к активным действиям.

Но Лу Хуэй не двинулся с места.

Первым это заметил Мин Чжаолинь.

Яо Хаохао и И Аньнань уже выбежали за дверь палаты, а он прошёл пару шагов и только тогда понял, что сзади никто не идёт. Он обернулся, Лу Хуэй всё также стоял на месте.

Вид у него был спокойный, не сказать, чтобы испуганный, но он просто стоял, не двигаясь.

Мин Чжаолинь нахмурился:

- Цзюнь Чаомань.

Лу Хуэй никак не отреагировал.

Мин Чжаолинь чуть приподнял бровь:

-А-Мань?

Неожиданно прозвище вызвало у Лу Хуэя более сильную реакцию.

Среди криков Ду Цинляня, рыданий и бормотания У Линьжуя о «грязи» и «вонючести», он наконец повернул голову к Мин Чжаолиню.

Лицо его оставалось бесстрастным, но те характерные, чуть вытянутые глаза, в особенности правый, с двумя вертикальными каплями киновари под уголком — казались особенно холодными и острыми.

Бровь Мин Чжаолиня поднялась ещё выше.

Он вдруг понял, что, похоже, начинает различать эмоции на лице Лу Хуэя.

Обычно он был более мягким, сдержанным, почти безобидным. Сейчас же он был кем-то иным.

И вот уже непонятно, кто из них настоящий?

Мин Чжаолинь усмехнулся. Интересно.

Он с издёвкой сказал:

- Ты что, хочешь посмотреть, как они друг друга отмывают?

-

Лу Хуэй отвернулся и пошёл за ним:

- Бывает такое, чтоб ты говорил, как нормальный человек?

Мин Чжаолинь ухмыльнулся:

- Если в следующем раунде ты умрёшь от моей руки, я даже подумаю над тем, чтобы прочесть прощальную речь.

Лу Хуэй хмыкнул, но не стал отвечать.

Когда они вышли из палаты и закрыли за собой дверь, Яо Хаохао тут же обратилась к Лу Хуэю:

- Ты что-то заметил?

- ...Ду Цинлянь не вышел. Значит, его сдержал У Линьжуй.

Лу Хуэй задумчиво потёр подбородок:

- Но он ведь ветеран, у него есть способности. Пусть даже они не боевые, но он сам по себе не выглядит уж совсем беспомощным.

И Аньнань неуверенно сказала:

- Я только что использовала свои глаза — душа У Линьжуя ещё не совсем чёрная. Только наполовину.

Она показала рукой:

- Примерно до середины.

- Значит, он уже частично ассимилирован инстансом, поэтому и смог контролировать ветерана? — уточнила Яо Хаохао.

Лу Хуэй протянул:

- Хм-м.

Мин Чжаолинь был в хорошем настроении, и даже поддержал разговор:

- Он по-прежнему думает, что Ду Цинлянь с У Линьжуйем знакомы. Может, и правда, как братья.

Яо Хаохао замерла.

Лу Хуэй бросил взгляд на Мин Чжаолиня, но комментировать не стал:

- Просто предположение. Я смотрю на поведение Ду Цинляня — уж слишком он за него переживает, не как просто партнёр по команде.

- Но ведь он же видит, что У Линьжуй... — начала Яо Хаохао.

Если они и правда братья — должно быть, для него это адская мука.

Лу Хуэй хотел что-то сказать, но вдруг замолчал. В голове всплыла одна старая задумка, и он, кажется, понял, кто призрак.

Если всё действительно так...

Значит, раскрывать его — нельзя.

Он будет его союзником.

- Пойдём посмотрим ваши медицинские карты.

Когда-нибудь Яо Хаохао сама всё поймёт.

Попав в этот мир — дороги назад нет.

Даже самое мягкое сердце со временем становится бесчувственным после многократных смертей. Если не превратишься в монстра, то точно станешь твёрдым, как камень.

И очень скоро она узнает: в этом «инстансе» забота о других — плохая идея.

Палата №1 находилась на том же этаже, так что дошли они быстро.

Так как Яо Хаохао чувствовала, что с картой что-то не так, она припрятала её заранее.

Она вытащила её из-под подушки, взглянула и сразу изменилась в лице.

Лу Хуэй догадался в чём дело, лишь взглянув на неё:

- Новая болезнь?

Яо Хаохао всё же передала карту ему:

- Лунатизм*.

* Сомнамбулизм, или лунатизм - особое состояние нервной системы, при котором у спящего человека происходит растормаживание двигательных центров при отсутствии контроля над ними сознания. Проявляется автоматизированными действиями, совершаемыми человеком во

сне. Во время эпизода снохождения больной встает с кровати и начинает совершать различные движения от простой ходьбы до сложных двигательных актов по типу лазания, балансирования, проявляя чудеса ловкости и силы.

- Лунатизм? — переспросил удивлённый Лу Хуэй. — Это из-за наших вчерашних действий? Или потому, что ты выходила из палаты во сне?

Ранее она упоминала, что покидала палату во сне.

- ...Не знаю.

- У вас тоже есть это в карточке? — спросила она.

- Я только сейчас вспомнил про неё, ещё не успел посмотреть. — без тени колебаний соврал Лу Хуэй. — Гляну позже.

- Позже?

- Я собираюсь подняться на четвёртый этаж.

Он всё ещё не мог понять, почему в лифте указывается семнадцать этажей, а в здании только шестнадцать. Значит, где-то спрятан лишний уровень?

Во сне, судя по ощущениям, палаты тянулись дальше.

Но лестница шла только до десятого этажа, а дальше — запертая решётка.

Пока что он не собирался пользоваться лифтом. Если его теория верна, даже днём лифт может быть опасен.

Иначе как объяснить, что Ян Лун пострадал именно во сне?

Если он что-то натворил во сне... хотя, даже Мин Чжаолин, с его склонностью к суицидальным поступкам, остался цел.

Значит, проблема в лифте.

Ночью лифт ведёт на уровень -18. А днём?..

- Но на четвёртом этаже мы точно встретим Сюй Тин. — напомнила Яо Хаохао.

- ...Сейчас день. — ответил Лу Хуэй.

- Ни одно правило, ни письменное, ни устное, не запрещает днём находиться вне палат. — добавил он.

- ...Точно. Я совсем забыла.

Пока разговаривали, уже спустились на четвёртый этаж.

Сюй Тин действительно была на сестринском посту, а рядом с ней две другие медсестры в белом.

Лу Хуэй неплохо запоминал лица: одну из них он точно видел раньше, она приносила таблетки Ся Гэ и Ци Баю.

Заметив их, Сюй Тин удивилась:

- Доктор Цзюнь, доктор Яо, почему вы не отдыхаете?

- А. — ответил Лу Хуэй, — Господин Мин переел за обедом, вот я и вытащил его размяться. По дороге встретили доктора Яо и её пациентку, которые тоже прогуливались.

Даже если Сюй Тин знала, что они не обедали, сейчас она не могла это использовать, не сорвав маску.

Но, очевидно, днём на неё тоже действуют правила.

Даже улыбка у неё казалась натянутой, почти скрипучей:

- Вот как...

- Ага-ага. — подтвердил Лу Хуэй.

Они направились к диагностическим кабинетам, и тут Мин Чжаолинь будто что-то вспомнил:

- А, кстати!

Он повернулся к Лу Хуэю:

- Местоположение моего кабинета в психбольнице и твоего тут — совпадают.

Лу Хуэй замер.

Точно, а ведь Мин Чжаолинь говорил, что в психушке на четвёртом этаже располагались пост и кабинеты, а палаты начинались с пятого.

Коридоры там были шире, не такие душные, как здесь.

Если допустить, что психиатрическая больница — это предшественник санатория, то получается:

Психбольница → лечебница во сне → нынешний санаторий.

Но почему между ними четыре-пять этажей разницы?

Чёрт. Голова закипает.

Лу Хуэй остановился у своего кабинета. Яо Хаохао и И Аньнань — напротив, у её кабинета.

Яо Хаохао осмотрелась по сторонам, и тут И Аньнань вдруг сказала:

- Кажется, во сне мой кабинет тоже был на этом месте.

Хотя она говорила негромко, но слух у Мин Чжаолиня и Лу Хуэя был отличный.

Оба повернулись к ней. Даже со спины она почувствовала, будто два тигра уставились на зайца. Спина покрылась мурашками.

К счастью, взглянули — и всё. Ничего не сказали.

Зато переглянулись между собой.

Потом Лу Хуэй зашагал к лифту, а Мин Чжаолинь сразу пошёл за ним.

Когда Яо Хаохао и И Аньнань заметили это, было уже поздно — Лу Хуэй вернулся.

- Во сне у меня была палата 404. Это и есть мой нынешний кабинет.

Расстояние — один в один.

Яо Хаохао нахмурилась:

- Ты точно не получал никаких системных оповещений о специальной роли?

- Абсолютно. — развёл руками Лу Хуэй.

Это была правда, он понял о своей особенности только по медицинской карте, а не от системы.

Яо Хаохао только открыла рот, как в санатории вдруг раздался сигнал тревоги.

Лу Хуэй и Яо Хаохао сразу насторожились, они не слышали этот звук во сне.

Все замерли, а медсёстры с поста и Сюй Тин тут же рванули наружу.

Четверо игроков не стали переглядываться, а молча бросились следом.

Они бежали, так что уже на лестнице нагнали медперсонал.

- Что случилось? — спросил Лу Хуэй у Сюй Тин.

- ...Повар из столовой сказал, что что-то произошло. Просили нас срочно прийти. — ответила она.

Уточнять, в чём дело, она не стала.

Столовая была на втором этаже, так что добежали быстро.

Как только добрались, всё стало ясно.

Яо Хаохао, бежавшая последней, в первый миг просто застыла от увиденного, потом схватилась за рот и, шатаясь, побежала к ближайшему мусорному ведру.

И Аньнань тоже побледнела, но она уже не впервые сталкивалась с подобным, поэтому просто развернулась и начала успокаивающе похлопывать подругу по спине.

В воздухе висел густой запах крови. Сюй Тин и медсёстры бросились вперёд. Мин Чжаолин, будто увидев нечто забавное, радостно присвистнул.

У Лу Хуэя похолодело лицо.

-А-Мань. - позвал его Мин Чжаолинь.

Он прищурился и с усмешкой сказал:

- Ты ведь не скажешь, что впервые такое видишь?

- ...Я такое уже видел. - хмуро ответил Лу Хуэй. - Людоедство* — не впервой.

Да, людоедство.

* Людоедство (происходит от древнегреческого ἄνθρωπος «человек» и φαγεῖν «поглощать») - употребление в пищу человеческого мяса.

На полу была лужа крови, а Ван Полан сидел, обняв полутруп Ян Луна и яростно вгрызался ему в лицо.

А Ян Лун... выглядел даже более жутко.

Уголок его неразорванного рта был приподнят, глаз блестел от возбуждения, и ни следа боли.

И в тот миг, когда он пересёкся взглядом с Лу Хуэем, он ему даже подмигнул.

-

В следующую секунду тела Ван Полана и Ян Луна заслонили медсёстры. Сюй Тин, заметно нервничая, приказала:

- Быстро! Свяжите его!

- Отведите его в палату! Я сообщу директору!

Опять этот директор.

Кажется, он уже не раз упоминался, но самого его до сих пор никто не видел.

Не на десяток ли этажей выше он обитал?..

Сюй Тин, закончив говорить, снова подошла к ним и, увидев, что они всё ещё здесь, поторопила:

- Доктор Цзюнь, вам лучше вернуться в палату.

Сказав это, она с тревогой взглянула на Мин Чжаолия.

Тот чуть наклонил голову в сторону.

Лу Хуэй почувствовал, что её взгляд говорит о том, будто она боится, что увиденное может повредить психике Мин Чжаолия, поэтому он повернулся к тому и сказал:

- Как самочувствие? Всё в порядке?

Говорил он с видом настоящего врача:

- Пойдём назад, не будем им мешать.

Мин Чжаолия чуть приподнял брови, по-прежнему беззаботно и рассеянно улыбнулся, словно ничего страшного не произошло. Но именно поэтому он и казался ненормальным.

Ведь на их глазах только что развернулась сцена людоедства.

- Всё в порядке.

Раз уж Сюй Тин открыто дала понять, что не хочет их здесь видеть, а Яо Хаохао и так была в шоке, они вернулись наверх.

Яо Хаохао снова зашла в палату №13.

И Аньнань налила ей стакан тёплой воды, та, побледнев, прошептала:

- ...Спасибо.

Лу Хуэй сказал, что хочет в туалет, и первым пошёл в уборную.

Только оказавшись внутри, он наконец не выдержал, сдержанно, но тяжело выдохнул, и почти беззвучно извергнув рвоту.

Сделав глубокий вдох, он потянулся к крану, но вдруг, будто вспомнив что-то, бросил взгляд на отверстие в полу. Замер на пару секунд и только после этого включил воду.

Он тщательно вымыл руки, даже под ногтями, потом зачерпнул холодной воды в ладони и плеснул себе в лицо. Вытеревшись рукавом, он провёл рукой по влажной чёлке.

Он посмотрел на своё отражение в зеркале — лицо не выражало никаких эмоций, он просто смотрел.

Своё отражение Лу Хуэй почти не узнавал.

Он обладал очень запоминающейся внешностью, его не раз останавливали агенты с предложением войти в индустрию развлечений.

Члены команды, вроде Чэн Фэя, тоже говорили, что он красивый, даже подбадривали, мол, удача всё-таки на его стороне.

Но сам Лу Хуэй... он и сам не знал, что у него в голове.

Ему часто казалось, что это лицо — не его. Будто он вообще не тот, кем является. Особенно когда смотрит в зеркало — это чувство чуждости становилось особенно сильным.

Наверное, поэтому то он не любил смотреться в зеркало.

Он ещё немного постоял в туалете, дождался, пока высохнет, и только потом вышел.

Когда он вышел, Яо Хаохао выглядела уже лучше.

Она выдохнула, закрыла глаза, и заговорила:

- ...Я не понимаю, почему он стал есть Ян Луна.

- Может, всё действительно так, как я предположил. - ответил Лу Хуэй. - Личность Ван Полана — основная, Ян Луна — вторичная. Если они должны слиться в одну, то это значит, что одна личность поглотит другую...

Он говорил запутанно, с трудом подбирая слова:

- В общем, нам нужно быть осторожнее. Думаю, теперь Ван Полан станет совсем другим.

- ...Но, - начала Яо Хаохао, - почему мы считаем, что мы — основные личности?

Она имела в виду новичков, вроде них самих.

- Потому что мы — доктора. - сказал Лу Хуэй.

- Но, если верить твоей гипотезе... - не сдавалась Яо Хаохао, - Во временной линии та психиатрическая больница была раньше, значит, первые доктора — это как раз ветераны.

- Да, верно мыслишь. - кивнул Лу Хуэй. - Мы, доктора, заболели, из-за чего возникла вторая личность — пациенты. Но ты не заметила одного несоответствия?

Он изогнул губы в слабой улыбке:

- Если так, то почему в самом начале ветераны были в смиренных рубашках и считались пациентами?

- Но ведь и таблетки тоже дают ветеранам. - напомнила Яо Хаохао.

- Вот именно. Потому что их лечат — они и есть вторичные личности. А в системе двойной личности основная — это та, что была изначально, с рождения. Значит, лечить должны вторичную.

- Конечно, в реальном мире, при диагнозе «расстройство идентичности», лечат тело. Но сейчас мы не в обычной реальности.

Глаза Яо Хаохао чуть блеснули:

- ...Но почему тогда во сне ветераны видят себя докторами? И почему их «сон» вроде бы идёт по времени раньше, чем наш?

- Из-за обрывков памяти. - вдруг вмешался Мин Чжаолин.

- Вторичные личности видят не реальность, а фрагменты воспоминаний и порождённые болезнью фантазии. Это не настоящее.

Лу Хуэй промолчал.

Он сделал глоток воды, затем взглянул на Мин Чжаолина и выразительно посмотрел, мол, «ты перестал притворяться АФК*?».

* Слово АФК (от англ. AFK — "Away From Keyboard", досл. «вне клавиатуры») изначально использовалось в онлайн-играх и чатах, чтобы обозначить, что человек временно отошёл и не может отвечать. Однако в последнее время оно стало использоваться и в литературе, сюжетах про выживание, в том числе в мемных, ироничных или постапокалиптических историях — и там его значение приобретает ироничный, сатирический или метафорический оттенок. В данном случае, это метафора отстранения - пассивность героя в кризисной ситуации.

Мин Чжаолинь наклонил голову, и улыбнулся.

Что значила эта улыбка, Лу Хуэй не понял, но догадывался, что у того снова заиграла тяга к драме.

И Аньнань заговорила:

- Кстати... В правилах пациентов была строка: «Не верьте своим снам».

Лу Хуэй приподнял бровь, глядя то на неё, то на Мин Чжаолиня:

- Там такое было?

Говорил он с явной досадой.

Мин Чжаолинь невинно пожал плечами:

-А-Мань, ты же не спрашивал.

-

Вот же засранец, играет вполсилы.

Лу Хуэй хмыкнул:

- Тебе прямо не терпится тут сдохнуть, да?

Мин Чжаолинь, прислонившись к окну, лениво крутил прядь своих волос. Услышав это, он накрутил прядку на пальцы, играя с ней:

- Ну, ты же всё равно рядом.

- Прекрасный выбор для захоронения. - фыркнул Лу Хуэй. - Место, которое я терпеть не могу.

Если он и правда умрёт здесь, то станет NPC и точно вернётся мстить, чтоб к чертям взорвать весь этот чёртов санаторий.

Они перекинулись ещё парой реплик, и Яо Хаохао не выдержала:

- Эй, вы двое, может, свои флиртующие разборки прибережёте до выхода?

А потом с каменным лицом добавила:

- Так в чём проблема с этой строкой?

- ...Кто с ним флиртует вообще. - фыркнул Лу Хуэй. - Девочка, за языком следи.

Он явно немного оттаял и даже пошутил в ответ, а потом сказал:

- Просто совпадает с той строчкой из правил, что «данное учреждение — санаторий, а не больница».

У Яо Хаохао округлились глаза от удивления:

- Ты хочешь сказать, что 444-я психиатрическая больница вообще не существует?

И Аньнань, у которой было побольше опыта, поняла, что он имеет в виду:

- Нельзя сказать, что совсем не существует. В пределах этого сценария она существует. Но это «существование» — не в прямом смысле.

И тихо добавила:

- 444-я психбольница наверняка важна. Раз мы её постоянно видим во сне, значит, это не только ловушка, но и источник зацепок.

Яо Хаохао, кажется, уловила суть.

И Аньнань закрыла глаза:

- Что-то меня клонит в сон... Наверное, лекарство подействовало.

Она давно уже чувствовала усталость, но держалась, а теперь сил почти не осталось.

Яо Хаохао не колеблясь, встала, и поставила стакан на стол:

- Тогда мы пойдём.

- Хорошо. - кивнул Лу Хуэй, - И поосторожнее во сне.

Сегодня пострадало слишком много людей. Если его теория верна, И Аньнань вполне может столкнуться там с кем-нибудь...

- Хорошо. - одновременно отозвались девушки.

После их ухода Лу Хуэй повернулся к Мин Чжаолиню:

- А ты хочешь спать?

Мин Чжаолинь, бодро глядя, ответил:

- Уже давно. Просто держусь.

Лу Хуэй с сомнением уставился на него.

Мин Чжаолинь плюхнулся на кровать:

- Спокойной ночи, А-Мань ^^

Ну и ладно.

Лу Хуэй уселся на стул, и положил голову на тумбочку.

Надо выбирать как можно скорее. Уже можно было не опасаться, что Чэн Фэй и Мин Чжаолинь столкнутся, но уже пять пар игроков погибли. Прошёл ещё один день. Если Сюй Тин теперь и правда может «гасить» игроков, и это тоже приводит к гибели, значит шестая пара следующая.

Осталось четыре дня, а сегодня уже на исходе.

То есть — всего три с половиной.

Голова гудела.

Это ведь его первый заход в инстанс. Уж слишком тяжело...

Если после этого он не получит какую-нибудь крутую способность, он будет невероятно возмущён.

С такими мыслями Лу Хуэй погрузился в сон.

Очнувшись, он снова оказался в палате.

Но теперь всё было иначе, на нём была смирительная рубашка.

-

В отличие от Мин Чжаолиня, который мог извернуться и вырваться, он не был таким... «особенным».

Лу Хуэй тяжело выдохнул и лёг обратно.

Ладно. Пусть будет продолжение прошлого сна.

Ведь в прошлый раз он попался, когда пошёл к лифту. Кто-то заблокировал дверь... и всё.

Пациент, нарушивший правила и попавшийся, закономерно оказывается в смирительной рубашке. Всё логично.

Проблема в том, что теперь у него не было даже катетера в руке, ни одной острой вещи поблизости.

На этот раз он действительно не мог сбежать.

Оставалось лишь надеяться, что Яо Хаохао его найдёт и поможет выбраться.

Он вздохнул, и в этот момент у двери послышались шаги.

Кто-то приближался.

Это была не Яо Хаохао.

Чуть погодя, он уловил голос, Сюй Тин с кем-то разговаривала. Сердце Лу Хуэя невольно

сжалось.

В прошлый раз он не встретил Чэн Фэя во сне, и потому не придавал этому значения, подумал, что всё это просто мир его собственного романа.

Но сейчас, только услышав голоса Чэн Фэя и Инь Цзя, он вдруг ощутил, будто всё вокруг теряет чёткость.

Что, если всё это и правда не сон?

Что, если он сам уже не в силах отличать сны от реальности?

Сцены из инстанса в памяти будто размылись. В голове всплыло лицо Мин Чжаолия — тот облик, который он сам не раз описывал в романе, и про который читатели даже просили: «Хватит уже этого главного героя». Но сейчас... он не мог его вспомнить.

Как будто всё и правда было сном.

Из-за двери донёлся голос Сюй Тин:

- Вчера он сбежал из палаты и почему-то поехал на лифте на восьмой этаж. Его заметил директор, и они даже подрались. Поэтому сейчас он в смиренной рубашке... Но сознание у него ясное.

- Понятно. - ответил Чэн Фэй и тут же начал извиняться.

Инь Цзя добавила:

- Простите, что доставили вам хлопот.

- Ничего страшного, проходите. - мягко ответила Сюй Тин. - Как поест — я приду сделать укол.

Дверь отворилась.

Лу Хуэй опустил взгляд.

Первым вошёл Чэн Фэй, он был в спортивном костюме, и нёс большой термобокс в руках. За ним шла Инь Цзя.

Она не была классической красавицей — узкие веки, плоская линия верхнего века. По

отдельности глаза могли показаться даже заурядными.

Но в целом — лицо у неё было необыкновенное.

Если она носила холодные цвета и низкий хвост — выглядела дерзко и с характером. А если надевала одежду в китайском стиле с косичками — то была словно воплощением мягкости и изящества южных провинций.

Для Лу Хуэя Инь Цзя была самой красивой женщиной в мире. Без вариантов.

Она закрыла дверь, подошла и, слегка нахмурившись, коснулась его лба пальцем:

- Ну вот. Ты ведь обещал мне, что будешь хорошо лечиться.

Лу Хуэй слегка повёл бровями и скосил взгляд на её живот.

На ней было свободное платье и кофта с длинным рукавом, но даже так было видно, что живот уже округлился.

Он отвернулся в сторону, надувшись, словно обиженный ребёнок:

- Я просто вышел подышать.

- И после этих слов ты сбежал из лечебницы. - усмехнулся Чэн Фэй.

Лу Хуэй ещё не успел ответить, как Инь Цзя, лёгким пинком остановив Чэн Фэя, поднимавшего стол, строго сказала:

- Ты что, совсем? Ты как с ребёнком разговариваешь?

Чэн Фэй тут же начал извиняться и пододвинул ей стул:

- Не злись, не злись. Виноват. Больше не буду.

- ...Вы двое, как говорят, не зря оказались под одной крышей. - пробормотал Лу Хуэй.

Инь Цзя была однокурсницей Чэн Фэя, моложе его на три года, а значит, младше Лу Хуэя примерно на семь лет. Однако она вполне уверенно считала себя его матерью.

Инь Цзя сделала вид, будто не услышала слов Лу Хуэя:

- Чэн Фэй, поторопись, а то тушёные куриные крылышки остынут и будут невкусными.

- Ладно-ладно. - покорно отозвался Чэн Фэй.

Он поставил стол, раскрыл термобокс и выложил еду.

Блюд было немного, но все они были любимыми блюдами Лу Хуэя.

Тушёные куриные крылышки, жареный вонгчой, суп с рёбрышками и ламинарией, жареный гусь.

Инь Цзя поставила на стол ещё и пакетик печенья с маслом, в форме маленьких зверушек - с первого взгляда было ясно, что испечено своими руками.

Она всегда обращалась с Лу Хуэем, как с ребёнком, и обожала печь для него такие милые печенья.

Когда Чэн Фэй всё расставил, он даже помог Лу Хуэю снять смирительную рубашку.

Лу Хуэй немного размял пальцы, взял палочки и услышал, как Чэн Фэй спросил:

- Так зачем ты всё-таки хотел пойти на восьмой этаж?

- Ну... болезнь обострилась, вот и побежал.

- ...Я же знаю, ты так не поступаешь.

Чэн Фэй вздохнул:

- Хотя у тебя куча заморочек, но ты всегда держишь слово.

Лу Хуэй неразборчиво промычал, вгрызаясь в крылышко:

- Потому что кое-кто назначил мне встречу на восьмом этаже.

- Кто? - уточнил Чэн Фэй.

- Яо Хаохао. - серьёзно ответил Лу Хуэй. - Мы вместе проходим инстанс.

Чэн Фэй: «.....»

Инь Цзя: «.....»

Лу Хуэй взглянул на них:

- Вы думаете, это неправда?

Чэн Фэй глянул на Инь Цзя. Та терпеливо объяснила:

-А-Мань, ты всё говоришь, будто проходишь инстанс с Мин Чжаолинем, но ведь это реальный мир, а не бесконечный поток. Мы не то чтобы тебе не верим, просто ты болен, и не можешь сейчас отличить реальность от галлюцинаций.

Она понизила голос:

- Как тогда...

Чэн Фэй кашлянул.

Инь Цзя замолчала, не продолжив.

Лу Хуэй опустил ресницы, Инь Цзя посмотрела на него с тревогой:

- Прости.

- ...Ничего. - покачал головой Лу Хуэй. - Это моя проблема. Тебе не за что извиняться.

Инь Цзя приоткрыла рот, но не знала, что сказать. В этот момент Чэн Фэй вмешался, сменив тему:

- Ешь давай, в прошлый раз ты ведь сам сказал, что хочешь куриных крылышек. Твоя мама теперь так редко готовит, ешь побольше.

Лу Хуэй засмеялся:

- Это точно.

Он ещё откусил от крылышка, а потом обратился к Инь Цзя:

- Когда у тебя срок? Ты ещё работаешь?

- Беременность - это просто плюс один к весу, ничего особенного. Конечно, работаю. - фыркнула Инь Цзя и показала на свои глаза, - Я первая пара глаз в следственной группе. Без меня Чэн Фэй не справится.

Чэн Фэй ничуть не волновался из-за того, что беременная жена всё ещё работает. Они оба были типичными трудоголиками:

- В любом случае, я не отпускаю её на выезды. Не переживай. Срок? Мы недавно ходили на осмотр - сказали, примерно через три месяца.

- ...Вы вдвоём и правда не теряете времени. - пробормотал Лу Хуэй, глядя на живот Инь Цзя. - Сестра Инь, в следующий раз лучше не приходи.

Всё-таки это психиатрическая клиника, не самая лучшая обстановка для беременной.

- С чего бы? - Инь Цзя недовольно вскинулась. - Я обязательно буду приходить! Если позволят, я вообще каждый день буду приходить!

Она с гордостью погладила живот:

- Говорят, если во время беременности чаще смотреть на красивых людей, ребёнок родится красивым. А твой папаша генами не удался, так что за внешность и интеллект ребёнка остаётся надеяться только на тебя.

Лу Хуэй: «.....»

Он не удержался и повторил уже много раз сказанное:

- Ты же полицейская, а веришь в такие бредни вместо того, чтоб полагаться на науку. Не слишком ли?

Инь Цзя зажала уши:

- Не слушаю, не слушаю! Я сегодня не в форме.

Лу Хуэй: «...»

Они ещё немного пошутили, и Лу Хуэй доел всё до крошки.

Он даже открыл пакет с печеньем и съел одно.

Инь Цзя тут же посмеялась:

- Обжора.

- Просто я давно не ел такое. - не согласился Лу Хуэй.

- ...Я же на прошлой неделе тебе приносила.

- Правда? Прошла всего неделя?

Лу Хуэй вздохнул:

- Мне казалось, прошёл целый год.

Инь Цзя рассмеялась, и ткнула пальцем ему в лоб:

- Наш А-Мань всё такой же сладкоречивый.

Сказав это, она бросила взгляд на Чэн Фэя.

Тот вздохнул, улыбаясь:

- Ладно-ладно, буду учиться.

Время посещения было ограничено, и им пора было уходить.

На прощание Лу Хуэй снова сказал:

- Сестра Инь, в следующий раз правда не приходи.

- А чего это? Не хочешь увидеть свою сестрёнку или братика?

- ...А можно я буду дядей или дядюшкой?

Инь Цзя не слушала:

- Ладно, до встречи. Проходи лечение, не отлынивай, понял?

На прощание она даже помахала рукой.

Перед тем как закрыть дверь, Чэн Фэй кивнул ему.

После их ухода в палате повисла тишина.

Убедившись, что их шаги удалились, Лу Хуэй сдёрнул с себя одеяло и ринулся в ванную.

Он не забыл закрыть за собой дверь.

Опершись о раковину, Лу Хуэй сомкнул указательный и средний пальцы, засунул их себе в рот и без колебаний глубоко вдавил.

Беззвучная рвота - его коронный номер.

Его вывернуло дважды - и всё, что съел, вывалилось наружу целыми кусками.

Этого ему оказалось мало, и он продолжал рвать.

После пары новых приступов он почувствовал резкую горечь в горле, всплеск ржавого вкуса, глянул вниз и увидел, что всё вокруг покраснело. Одновременно с этим накатила лёгкая дурнота.

Он закрыл глаза, покачнулся, и тут же ощутил, что изменилось положение его тела в пространстве.

На плечо легла чья-то сильная рука, и его слегка встряхнули.

Лу Хуэй резко открыл глаза и, оттолкнув Мин Чжаолиня, метнулся обратно в ванную.

Мин Чжаолинь: «?»

Он посмотрел вслед и увидел, как Лу Хуэй склонился над раковиной, продолжая судорожно кашлять, а потом даже снова запустил пальцы себе в глотку.

У Лу Хуэя были красивые, длинные пальцы с чётко выраженными фалангами. Бледные и тонкие губы, белоснежные зубы и язык нормального розового цвета...

И в тот момент, когда он залез себе в горло, глаза наполнились слезами, ореолы глаз покраснели, а две родинки цвета киновари под правым глазом заиграли новыми красками.

Мин Чжаолинь чуть склонил голову:

- ...Ты что, во сне что-то съел?

Когда Лу Хуэй убедился, что ничего не осталось, он вынул пальцы.

Изо рта тянулась тонкая, серебристая слюна, поблёскивающая в свете лампы.

Его кожа была холодного белого оттенка, и потому раскрасневшиеся глаза особенно резко выделялись, а отпечатки пальцев на шее ещё не поблекли...

Даже когда он просто мыл руки с безразличным выражением лица, в нём была какая-то мучительная, пронзительная хрупкость.

В таком монстре, как Мин Чжаолинь, это не вызывало ни капли жалости, наоборот, только разжигало жажду разрушения.

Ему хотелось увидеть ещё больше таких сцен.

Не рыдания с соплями, это скучно.

А вот таких - просто идеально.

Мин Чжаолинь провёл языком по задней части зубов, остановившись на клыке.

Занятно.

Лу Хуэй и не подозревал, какие извращённые мысли снова роятся в голове его собственного главного героя. Он молча смыл остатки слюны из-под ногтей и, слегка осипшим голосом, сказал:

- Не уверен, всё ли вырвал, так что нам надо действовать быстро.

Он закрыл кран и глянул на часы.

□19:31□

Как раз время, когда уже нельзя бродить по зданию.

Мин Чжаолинь внимательно изучал его глаза, лицо и даже шею:

- Тебя заставили что-то съесть?

Лу Хуэй отметил, что Мин Чжаолинь сейчас как будто особенно сговорчив, но мозги его были слишком вразной, чтобы обращать на это внимание:

- Можно и так сказать.

Сам себя заставил.

Он выдохнул и по привычке тыльной стороной пальца провёл по уголку глаза, стирая остатки влаги от слёз.

- Пошли.

Мин Чжаолинь понимал, что он задумал, но остался стоять:

-А-Мань.

Он произнёс его имя с особой интонацией:

- Ты не заметил, что Сюй Тин не принесла вечерние лекарства?

Лу Хуэй замер.

... И правда.

Он был не в себе и не обратил внимания.

А Мин Чжаолинь заметил, что он не в себе.

Лу Хуэй сел на кровать, откинулся назад, упервшись руками, и, запрокинув голову, взглянул на Мин Чжаолиня, тяжело вздохнув:

- Дай мне посидеть минутку.

Мин Чжаолинь поднял бровь, и уселся на стул:

- Можешь и полежать, если хочешь.

Лу Хуэй улыбнулся.

Если бы Мин Чжаолинь не питал к нему враждебности, с ним вполне можно было бы поладить. Всё простить, как ни в чём не бывало.

В конце концов, Мин Чжаолинь – его главный герой. Любимый персонаж.

Так что голос Лу Хуэя смягчился:

- Что, сегодня луна с запада взошла?

Мин Чжаолинь спокойно:

- Сегодня луны нет.

Лу Хуэй: «.....»

Вот значит, как играем?

Он фыркнул, усмехнулся и завалился на кровать.

С Мин Чжаолинем рядом можно немного и поразвлечься.

Они ведь связаны: один умрёт – и второй за ним. Мин Чжаолинь болтает, мол, умереть здесь было бы не так уж плохо, но на деле в это не очень-то вериться.

У него есть цель. Ему надо кое-что выяснить.

В палате повисла тишина, и вдруг у Мин Чжаолиня дёрнулось ухо:

- Сюй Тин идёт.

У медсестры была необычная походка, её ни с кем не спутаешь. Шастать в это время суток

могла только Сюй Тин.

Только он это сказал, как они услышали знакомый голос:

- Непослушный... пациент... ликвидировать...

Она как заведённая повторила заученные фразы, а затем по коридору прокатился резкий «бум!»

Не то чтобы в стену врезались, скорее будто хлопнули по двери, и сразу следом раздался пронзительный крик Ци Бая.

Даже несмотря на то, что между ними было две палаты, слышно было прекрасно.

Сюй Тин в розовом опять пугает детей.

Скоро та же сцена повторилась и у их двери, подтверждая догадки Лу Хуэя.

Сюй Тин с размаху ударила по двери, голос стал громче:

- Непослушный пациент!!!

- Ликвидировать!

Лу Хуэй задумчиво приподнялся и глянул на Мин Чжаолиня:

- Друг, тебе не кажется, что именно у нашей палаты она как-то особенно старается, голос громче сделала, и про интонацию не забыла?

Мин Чжаолинь кивнул:

- Ага. Может, завидует, что мы оба красавчики.

Лу Хуэй: «...»

Абсолютно в духе Мин Чжаолиня.

Когда голос Сюй Тин стих, они тут же пришли в движение.

У дверей Лу Хуэй ещё раз попросил Мин Чжаолия проверить, не обманка ли это, и лишь после этого открыл дверь.

Сегодня в коридоре не было привычного тусклого оранжевого света. Свет был тёмно-красным, словно при кровавом затмении.

По спине Лу Хуэя пробежал холодок, он непроизвольно повернул голову на свет и увидел, что в конце коридора, где раньше было окно, теперь ярко освещённая комната с красным светом, а на двери светилась надпись: «ОПЕРАЦИОННАЯ».

Авторское послесловие:

Поворачивай назад! Поворачивай назад!

<http://bllate.org/book/12898/1133612>